

Топ-10 книг года *New York Times*
Лучшая книга в жанре нонфикшн
по версии *Time*

ПАТРИК РАДДЕН КИФ

**НИЧЕГО
НЕ ГОВОРИ**

**СЕВЕРНАЯ ИРЛАНДИЯ:
СМУТА, ЗАКУЛИСЬЕ,
«ГОЛОСА ИЗ МОГИЛ»**

Пронзительное размышление о Смуте
и ее последствиях... Виртуозно.
The Economist

True drama

Патрик Киф

**Ничего не говори.
Северная Ирландия: Смута,
закулисье, «голоса из могил»**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 94(417)
ББК 63.3(4Ирл)

Киф П. Р.

Ничего не говори. Северная Ирландия: Смута, закулисы, «голоса из могил» / П. Р. Киф — «Издательство АСТ», 2019 — (True drama)

ISBN 978-5-17-123332-7

Американский журналист и лауреат национальной премии Патрик Радден Киф («Нью-Йоркер») предпринял попытку разобраться в самой сути англо-ирландского конфликта, его истинных причинах и последствиях для населения. Избрав точкой отсчета печально известное дело МакКонвилл (похищение обвиненной ИРА в пособничестве британской армии матери десяти детей, чьи останки были обнаружены только через три десятилетия), Киф предлагает осмыслить масштабы социальной катастрофы и ответить на вопрос, стоит ли борьба за свободу стольких кровопролитий и искалеченных судеб. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(417)
ББК 63.3(4Ирл)

ISBN 978-5-17-123332-7

© Киф П. Р., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Книга 1	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Патрик Радден Киф
Ничего не говори. Северная Ирландия:
Смута, закулисье, «голоса из могил»

Люсьену и Феликсу

*Все войны происходят дважды: сначала – на поле сражения, а
затем – в воспоминаниях.*

Вьет Тан Нгуен

Patrick Radden Keefe

SAY NOTHING:

A True Story of Murder and Memory in Northern Ireland

Перевод И. Мизининой

© Patrick Radden Keefe, 2019.

© И. Мизинина, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог Хранилище

Июль 2013 г.

Библиотека Джона Дж. Бернса расположилась в огромном неоготическом здании заросшего зеленым кампуса Бостонского колледжа. Ее каменные шпили и витражи невольно наводят на мысли о церкви. Иезуиты, основавшие университет в 1863 году, обучали здесь детей бедных иммигрантов, которые бежали сюда от голода, царившего тогда в Ирландии. На протяжении следующих полутора веков Бостонский колледж рос и процветал, не разрывая при этом тесных связей с родной страной. В Библиотеке Бернса с ее 250 000 томов и примерно шестнадцатью миллионами рукописей находится самое обширное в Соединенных Штатах собрание политических и культурных артефактов Ирландии. Много лет назад один из местных библиотекарей отправился в тюрьму, поскольку пытался продать на аукционе «Сотбис» трактат святого Фомы Аквинского 1480 года издания. Библиотека приобрела репутацию учреждения, скупающего антикварные ценности, и, когда черный копатель из Ирландии попытался продать тогдашнему директору могильные плиты с древними латинскими крестами, замысловатыми кольцами и надписями, то тому пришлось лично обратиться в ФБР.

Самые редкие и ценные предметы Библиотеки Бернса находятся в специальной комнате, которую называют Хранилищем. Это охраняемое помещение, снабженное высокочувствительным оборудованием поддержания микроклимата и самой современной противопожарной системой. В комнате установлены камеры наблюдения, а войти в нее можно, только набрав код на панели и повернув специальный ключ. Ключ выдается под подпись. Мало кто имеет сюда доступ.

Однажды летним днем 2013 года в Библиотеку Бернса вошли два детектива. Не бостонские. В действительности они прилетели из Белфаста и работали в отделе особо тяжких преступлений полиции Северной Ирландии. Пройдя через помещения с цветными витражами, они достигли Хранилища.

Детективы явились сюда, чтобы забрать несколько секретных файлов, которые находились в Хранилище уже почти десять лет. Их целью были мини-диски, содержащие аудиозаписи, а также копии документов. Детективам не пришлось бы пускаться в путешествие, если бы библиотекари Бостонского колледжа послали им файлы по почте. Но эти записи хранили слишком деликатные и опасные секреты, и, получив материалы, детективы обращались с ними с величайшей осторожностью. Это были официальные доказательства в уголовном деле. А детективы занимались расследованием убийства.

Книга 1

Они пойдут до конца

Глава 1

Похищение многодетной матери

К моменту исчезновения Джин МакКонвилл исполнилось 38 лет, половину из которых она либо была беременна, либо оправлялась после родов. Женщина родила 14 детей, но четверо умерли, и сейчас их было 10 разного возраста, начиная с двадцатилетней Анны и заканчивая Билли и Джимом, славными глазастыми шестилетними близнецами. Едва ли легко выносить десятерых и хоть как-то заботиться о них. Но в Белфасте в 1972 году огромные семьи были в порядке вещей, а потому Джин МакКонвилл и не искала славы на этом поприще, и не снискала ее.

Вместо наград жизнь преподнесла ей очередное испытание, когда умер Артур – ее муж. Изнурительная болезнь внезапно унесла его, и она осталась одна – вдова с нищенской пенсией, без работы и с детьми, которых нужно было кормить. Она была буквально раздавлена свалившимися на нее проблемами и отчаянно стремилась хоть как-то обуздать свои эмоции. Забота о младших детях была возложена на старших, а она сидела дома и курила сигарету за сигаретой, чтобы снять напряжение и понять, как жить дальше. Предстояло смириться с тяжелой утратой и разглядеть смутные очертания неласкового будущего. Между тем настоящая трагедия семьи МакКонвилл еще только начиналась.

Недавно семья переехала из квартиры, где Артур провел свои последние дни, и обосновалась в помещении чуть большей площади, однако сыром и неприятном на вид – в «Дайвис Флэтс», социальном жилом фонде Западного Белфаста. Стоял холодный декабрь, и уже к трем-четырем часам дня город погрузился во тьму. Плиту в новой квартире еще не установили, а потому Джин отправила свою пятнадцатилетнюю дочь Хелен в местную закусочную с блюдами навынос, где можно было купить рыбу с картошкой. А сама решила принять горячую ванну. Ведь только в ванной за закрытыми дверями и можно уединиться, если у тебя несколько малых детей. Джин была невысокой бледной женщиной с тонкими чертами лица и темными волосами, которые она зачесывала назад. Она погрузилась в воду и немного полежала там. Когда она вылезала из ванной, ее кожа слегка порозовела. И в этот момент кто-то постучал во входную дверь. Было около семи. Дети решили, что это Хелен вернулась с едой.

Но едва они открыли дверь, как внутрь ворвалась целая банда. Все случилось так неожиданно, что дети даже не могли потом точно сказать, сколько было налетчиков – наверное, человек восемь, а может быть, десять или двенадцать. Там были и мужчины, и женщины. У одних балаклавы на лицах, у других на голову натянуты нейлоновые чулки, придававшие им отвратительный вид. И по крайней мере у одного точно был пистолет.

Взглянув на Джин, спешно набрасывающую на себя одежду и окруженную испуганными детьми, один из мужчин буркнул: «Надевай пальто». Она затряслась от страха, а налетчики начали выталкивать ее из квартиры. «В чем дело? Что вам надо?» – спрашивала она в ужасе. Дети кинулись защищать мать. Одиннадцатилетний Майкл закрыл ее собой, пытаясь помешать бандитам. Билли и Джим, рыдая, вцепились в нее. Бандиты сделали попытку успокоить детей, заявив, что им просто нужно поговорить с их матерью, и через некоторое время она вернется домой.

Шестнадцатилетний Арчи, самый старший из детей, находившихся в доме, спросил, может ли он пойти с матерью, и бандиты позволили ему. Джин МакКонвилл надела твидовое

пальто, набросила шарф на голову; младших детей тем временем загнали в спальню. Расталкивая малышей, налетчики разговаривали с ними, убеждая, что все будет в порядке, и обращались к ним по имени. Двое мужчин были без масок, и Майкл к своему ужасу обнаружил, что люди, уводившие его мать, оказались их соседями.

«Дайвис Флэтс» представлял собой кошмарное воплощение рисунков Эшера¹: фантастическое переплетение бетонных лестничных маршей и площадок, битком набитые квартиры. Лифты постоянно не работали, и перепуганную Джин, после некоторого сопротивления выпихнутую таки из квартиры, повели сначала по коридору, а затем вниз по ступенькам. Обычно по вечерам, даже в зимнее время, здесь бываетлюдно: мальчишки пинают мяч на площадках, взрослые возвращаются домой с работы. Но сейчас нигде не было ни души: двери не хлопали, на крики соседи не реагировали.

Арчи старался держаться поближе к матери и не отставать, она же вцепилась в него и не отпускала. Однако внизу их поджидала еще большая группа людей – не меньше двадцати человек, все в обычной одежде и с балаклавами на лицах. Некоторые держали оружие. У обочины стоял голубой «Фольксваген» с неработающим двигателем. Вдруг один из мужчин надвинулся на Арчи – дуло пистолета сверкнуло в темноте. Он прижал ствол к щеке мальчика и прошипел: «Давай отсюда!». Арчи замер. Он чувствовал холод металла на коже. Ему отчаянно хотелось защитить мать, но что он мог сделать? Он был всего лишь мальчишкой – один и без оружия. Он растерянно повернулся и побрел вверх по лестнице.

На втором этаже в одной из стен были проделаны вертикальные щели, которые дети называли «голубиные гнезда». Глядя сквозь них, Арчи видел, как его мать затолкали в «Фольксваген», затем машина выехала с территории «Дайвис» и исчезла из виду. Он осознал, что бандиты и не собирались разрешать ему сопровождать мать. Они просто использовали его, чтобы вывести Джин из квартиры. Мальчик стоял один в зловещей тишине, пытаясь понять, что случилось и что теперь делать. Потом направился домой. Последними словами матери, обращенными к нему, были: «Присмотри за детьми, пока я не вернусь».

---

¹ Эшер Мауриц – нидерландский художник-график, исследовавший особенности психологического восприятия сложных трехмерных объектов. – *Прим. ред.*

Глава 2

Семейная традиция, или «Почему вы не дали сдачи?»

Когда Долорс Прайс была маленькой девочкой, из всех святых она больше всего почитала мучеников. Тетя Долорс со стороны отца, являясь ревностной католичкой, говорила: «За Господа и Ирландию». А для остальной части семьи на первом месте стояла Ирландия. Живя в Западном Белфасте в 1950-х, девушка покорно каждый день ходила в церковь. Но вскоре она заметила, что ее родители этого не делают. Однажды, когда ей исполнилось 14 лет, она заявила:

– Я не пойду на мессу.

– Но ты должна это делать, – сказала ее мать Крисси.

– Ничего я не должна... и не пойду, – отвечала Долорс.

– Ты должна туда ходить, – убеждала Крисси.

– Послушай, – ответила Долорс. – Я сейчас выйду на улицу, постою полчаса за углом и скажу тебе: «Я была на мессе». А на самом деле я туда не пойду.

Даже в детстве она отличалась упрямством, а потому добилась своего.

Прайсы жили в одной половине маленького муниципального дома, расположенного на чистенькой, идущей под уклон улочке под названием Сливгаллион-драйв². Отец Долорс, Альберт, занимался изготовлением мягкой мебели; он делал стулья, которые вечно загромождали и без того узкую переднюю. Но если другая семья на их месте украсила бы каминную полку фотографиями семейных праздников, то Прайсы гордо выставляли там снимки из тюрем. Дело в том, что Альберт и Крисси Прайс были фанатичными приверженцами республиканства – они были убеждены в том, что британцы оккупировали остров Ирландия и ирландцы обязаны изгонять их со своей территории всеми доступными средствами.

Когда Долорс была маленькой, она сидела у Альберта на коленях, и он рассказывал ей, как он в 1930-х еще мальчишкой вступил в Ирландскую республиканскую армию (ИРА), а в подростковом возрасте ездил в Англию, чтобы устроить там теракт. С картонками в ботинках (настоящие стельки были ему не по карману) он осмелился бросить вызов могущественной Британской империи.

Низкорослый мужчина с очками в проволочной оправе и желтыми от табака пальцами, Альберт рассказывал жуткие истории о легендарной отваге давно ушедших из жизни патриотов. У Долорс были еще братья и сестры: Дамиан и Клер, но самую близкую связь она ощущала с младшей в семье – с Мариан. Перед сном отец любил развлекать их историей о том, как он вместе с двадцатью другими узниками бежал из тюрьмы в городе Дерри; они сделали подкоп под зданием. Один из сокамерников играл на волынке, чтобы заглушить звуки побега.

Доверительным тоном Альберт просвещал Долорс и ее сестру относительно самых безопасных методов производства взрывчатых веществ в домашних условиях, говорил, что для этого нужны деревянные емкости и инструменты – никакого металла! – потому что «единственная искра – и тебя нет в живых». Ему нравилось вспоминать о дорогих своих товарищах, которых повесили британцы, и Долорс росла в уверенности, что все это совершенно обычные вещи: у родителей любого ребенка есть друзья, которых повесили. Истории отца казались такими реальными, что ее била дрожь, и по телу бежали мурашки.

Все в семье так или иначе сидели в тюрьме. Мать Крисси, бабушка Долан, состояла в Женском совете ИРА, Куманн на мБан³, и провела три месяца в тюрьме «Арма» за попытку отнять боевое оружие у одного полицейского офицера из Корпуса королевских констеблей

---

² окрестности Белфаста. – *Примеч. ред.*

³ Куманн на мБан – ирландская республиканская женская организация, основанная 2 апреля 1914 года в Дублине. (Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.)

Ольстера. Крисси тоже служила в Куманн и мотала срок в «Арма» вместе со своими тремя сестрами: их арестовали за ношение «запрещенной эмблемы» – маленьких бумажных цветов, оранжевых, белых и зеленых, называемых белыми, или пасхальными, лилиями.

В семье Прайсов, как и вообще в Северной Ирландии, люди всегда были склонны говорить о катастрофах давнего прошлого так, будто они случились лишь неделю назад. Все это не способствовало пониманию того, где и когда началась старая вражда Британии и Ирландии. На самом же деле трудно представить, какой была Ирландия *до* того, что Прайсы называли просто «этим делом». И почти не имело значения, когда же началась эта история: так было всегда. Она уходила корнями дальше, чем раскол протестантов и католиков, и была старше самой протестантской церкви. Можно заглянуть на тысячу лет назад и дойти до набегов нормандцев в XII веке, когда в поисках новых земель они пересекали Ирландское море на утлых суденышках. Или обратиться к временам Генриха VIII и Тюдоров в XVI столетии, когда те заявили о покорении Ирландии англичанами. А еще были протестантские иммигранты из Шотландии и Северной Англии, проникшие в Ирландию в XVII веке и установившие там плантационную систему, в которой местные, говорящие на гэльском языке, оказались вдруг арендаторами и наемными работниками на тех землях, что некогда им принадлежали.

Но в доме на Сливгаллион-драйв из всей этой саги более всего вспоминали главу под названием «Пасхальное восстание 1916 года», когда группа ирландских революционеров захватила здание почты в Дублине и объявила Ирландию свободной и независимой республикой. Долорс росла, слушая легенды об отважных героях мятежа и об одном из его предводителей – поэте-романтике Патрике Пирсе. «Всеми своими поколениями ирландцы доказали свое право на национальную свободу», – вещал он со ступенек здания почтамта.

Пирс был неисправимым романтиком, увлеченным идеей кровавой жертвы. Еще ребенком он мечтал о том, как пожертвует своей жизнью во имя чего-то высокого, а затем пришел к выводу, что в кровопролитии заключен некий высший смысл «очищения». Пирс восхищался христианской смертью прежних ирландских мучеников и за несколько лет до восстания писал, что «нужно согреть старое сердце земли красным вином сражения».

И он исполнил свою мечту. После краткого всплеска славы восстание было безжалостно подавлено британскими властями Дублина; Пирса и еще 14 его товарищей судили и приговорили к расстрелу. Ирландская война за независимость привела к разделению острова на две части: южную, 26 графств которой получили некоторую независимость как Ирландское свободное государство, и северную, шесть графств которой продолжали оставаться под управлением Великобритании. Подобно другим стойким республиканцам, семья Прайс не считала то место, где они жили, «Северной Ирландией». Для них оно было «севером Ирландии». На местном языке даже выбор слова приобретал политический смысл.

Култ мученичества может быть весьма опасен, и Акт о флагах и эмблемах строго регламентировал всяческие церемонии в Северной Ирландии. Ирландского национализма боялись до такой степени, что на севере можно было угодить в тюрьму, просто вывесив триколор Республики. Будучи девочкой, Долорс надевала в пасхальное воскресенье свое лучшее белое платье, брала корзинку, полную яиц, и прикалывала к одежде белую, или пасхальную, лилию в память о подавленном восстании. Для ребенка это было чем-то вроде романтического ритуала, щекочущим нервы ощущением своей причастности к тайному обществу нарушителей закона. Она научилась прикрывать лилию рукой при виде приближающегося полицейского.

Однако иллюзий относительно погребального звона по тем, кто посвятил себя «этому делу», у нее не было. Альберту Прайсу не довелось увидеть своего первенца – старшую дочь, умершую в младенчестве, пока отец находился за решеткой. У Долорс была тетя Брайди, одна из сестер Крисси, которая в юности тоже принимала участие в борьбе. Однажды, в 1938 году, Брайди помогала перенести взрывчатые вещества из тайника, а они вдруг детонировали. Взрыв

оторвал Брайди кисти обеих рук, обезобразил лицо и навсегда лишил зрения. А ведь в тот момент ей было 27 лет.

Несмотря на прогнозы врачей, тетушка Брайди выжила. Но она стала инвалидом и всю оставшуюся жизнь нуждалась в чьей-то заботе. Не имея рук и зрения, она не могла самостоятельно даже переодеться или высморкаться, да и вообще мало что могла сделать без посторонней помощи. Брайди часто гостила в доме на Сливгаллион. Если семья Прайс и жалела ее, то это было некое вторичное чувство по отношению к восхищению ее готовностью пожертвовать всем за идею. Брайди вернулась из госпиталя в свой крошечный домик с туалетом во дворе, за ней не закрепили социального работника, пенсии тоже не было – такая вот жизнь в полной слепоте. Однако она никогда не сожалела о своей жертве во имя объединения Ирландии.

Когда Долорс и Мариан были маленькими, Крисси, бывало, отправляла их наверх, наказывая: «Поговорите с тетей Брайди». Женщина жила в спальне, одна и во мраке. Долорс нравилось на цыпочках подниматься по лестнице, но Брайди обладала очень острым слухом, а потому она всегда понимала, что девочка идет к ней. Тетушка была заядлым курильщиком, и, начиная с возраста восьми или девяти лет, Долорс поручили зажигать сигарету для Брайди и аккуратно вставлять ее затем между губ. Долорс ненавидела такую работу. Она находила ее отвратительной. Она рассмотрела лицо тетки лучше, чем кто-либо, и ощущала страшный ужас от того, что случилось с ее родственницей. Долорс любила болтать, говорить все, что придет ей в голову, как это свойственно детям. Иногда она спрашивала Брайди: «Разве ты не хотела бы умереть?»

Схватив обрубки рук тети своими маленькими ручками, Долорс гладила восковую кожу. Они напоминали ей, как она любила повторять, «кошачьи лапки». Брайди носила темные очки, и Долорс однажды заметила, как слезы, стекая по стеклам, ползут по изуродованным щекам. Долорс было интересно: как можно плакать, если у тебя нет глаз?

* * *

Холодным ясным утром 1 января 1969 года группа протестующих студентов собралась у городской ратуши на площади Донегалл в центре Белфаста. Они хотели пройти от Белфаста до стен города Дерри, что в 70 милях (113 км) отсюда; марш должен был занять несколько дней. Они протестовали против непрекращающейся дискриминации католиков в Северной Ирландии. Разделение острова создало весьма специфическую ситуацию, при которой каждое из двух религиозных сообществ (отношения между которыми были напряженными в течение нескольких столетий) стало ощущать себя в итоге подвергающимся гонениям меньшинством: протестанты, составляющие большинство в населении Северной Ирландии, но оказавшиеся в меньшинстве на острове Ирландия в целом, боялись попасть под власть католической Ирландии; католики, представляющие большинство на острове Ирландия, но меньшинство в Северной Ирландии, чувствовали, что их шесть графств подвергаются дискриминации.

Северная Ирландия была домом для миллиона протестантов и полумиллиона католиков, и католики на самом деле сталкивались с из ряда вон выходящей дискриминацией: их часто лишали хорошей работы и жилья, им не давали никакой политической власти, которая могла бы улучшить их положение. Северная Ирландия имела собственную автономную политическую систему, базирующуюся в Стормонте на окраине Белфаста. На протяжении половины столетия ни один католик никогда не занимал поста во властных структурах.

Отлученные от кораблестроения и других привлекательных отраслей, католики часто предпочитали уехать – эмигрировать в Англию или Австралию в поисках работы, которую они не могли получить дома. Уровень рождаемости у католиков примерно вдвое выше, чем у протестантов, однако в течение трех десятилетий, предшествующих маршу в Дерри, католическое

население оставалось практически неизменным, потому что слишком много людей не имели иного выбора, кроме как уехать.

Полагая, что кастовая система в Северной Ирландии походила на расовую дискриминацию в Соединенных Штатах, молодые участники протеста решили равняться исключительно на американское движение за гражданские права. Они изучили марши 1965 года от Сельмы до Монтгомери (под руководством Мартина Лютера Кинга и других борцов за права чернокожих). Когда студенты, одетые в куртки с капюшонами, сцепив руки, вышли из Белфаста, они несли плакаты с лозунгами марша за гражданские права и пели: «Мы все преодолеем».

Среди демонстрантов была и Долорс Прайс: она присоединилась к протестующим вместе со своей сестрой Мариан. 18-летняя Долорс была моложе большинства участников марша, многие из которых учились в университете. Она выросла и превратилась в невероятно красивую девушку с темно-рыжими волосами, блестящими голубовато-зелеными глазами и светлыми ресницами. Мариан была на несколько лет моложе ее, однако сестры никогда не разлучались. Все в Андерсонстауне (*окраина Белфаста. – Ред.*) знали, что это «дочери Альберта». Они были так близки и так часто появлялись повсюду вместе, что могли сойти за близнецов. Они называли друг друга «Дотс» и «Мар» и спали в одной кровати. Долорс обладала напористым характером и была не чужда бунтарских настроений, и вот сестры шли в рядах участников марша; их неуклюжий выговор жителей Белфаста слегка сгладился благодаря обучению в Сент-Доминик – строгой католической старшей школе для девочек в Западном Белфасте; их остроумные реплики перебивались взрывами смеха.

Впоследствии Долорс описывала свое детство как «оболванивание», «политическую вербовку». Однако она всегда отличалась ярко выраженной независимостью в мыслях и никогда не умела держать свои убеждения при себе. Уже в подростковом возрасте она начала подвергать сомнениям некоторые догмы, под влиянием которых воспитывалась. Шли 1960-е, и все, что могли сделать монахини в Сент-Доминик, – это попытаться слегка затормозить те бурлящие потоки перемен, которые несли устоявшийся мир в неведомое завтра. Долорс любила рок-н-ролл. Как и многие молодые люди в Белфасте, она восхищалась Че Геварой, так восхитительно смотревшимся на фотографиях аргентинским революционером, боровшимся плечом к плечу с Фиделем Кастро. То, что Че был сражен пулей боливийского военного и ему отрубили руки (этим он был похож еще и на тетю Брайди), лишь помогло ему занять свое место в девичьей коллекции революционеров-героев.

Несмотря на усиливающуюся напряженность между католиками и протестантами в Северной Ирландии, Долорс пришла к убеждению, что вооруженная борьба, сторонниками которой были ее родители, по-видимому, устаревшее решение, некий пережиток прошлого. Альберт Прайс любил поговорить и был отличным рассказчиком. Одной рукой он обхватывал плечи, другой – поправлял неизменную сигарету во рту и щедро угощал слушателей историческими событиями, анекдотами и личным обаянием, пока они наконец не начинали смотреть на вещи так же, как и он. Но Долорс отличало неумное желание спорить. «Слушай, посмотри на ИРА, – бывало, говорила она отцу. – Ты же уже пробовал и проиграл!»

И действительно, история ИРА выглядела до некоторой степени как история поражений: как отметил Патрик Пирс, каждое поколение поднимало мятеж того или иного рода, однако к концу 1960-х годов Ирландская республиканская армия в основном сошла со сцены. Старики все еще съезжались в тренировочные лагеря на южной границе Республики, чтобы попрактиковаться в стрельбе из древнего оружия, оставшегося от прошлых кампаний. Но никто не воспринимал их как серьезную военную силу. Остров (Ирландия) все так же был разделен. Условия для католиков не улучшились. «Вы проиграли, – говорила Долорс отцу и добавляла: – *Есть другой путь*».

Долорс начала посещать собрания новой политической группы, «Народная демократия», в зале кампуса Университета Квинс. Как Че Гевара и многие ее приятели по маршу, Долорс

исповедовала некую версию социализма. Весь этот фанатичный раскол между протестантами и католиками казался ей вредным отвлечением от борьбы, и она пришла к следующему убеждению: рабочий класс протестантов, может, и обладает некоторыми преимуществами, но и он тоже страдает от безработицы. Протестанты, живущие в отвратительных лачугах вдоль Шанкилл-роуд в Белфасте, тоже не имели туалетов в домах. Если бы можно было убедить их, что лучше жить в объединенной – и социалистической – Ирландии, разлад, столетиями преследующий два сообщества, в конце концов прекратился бы.

Одним из лидеров марша был общительный, умеющий убедительно говорить молодой социалист из Дерри по имени Имон МакКанн, с которым Долорс познакомилась и быстро подружилась. МакКанн убеждал своих соратников не демонизировать протестантов из рабочего класса. «Они ни с какой стороны нам не враги, – настаивал он. – Они не эксплуататоры, одетые в костюмы по 30 гиней. Они жертвы системы, обманутые юнионистами – землевладельцами и промышленниками из профсоюзов. Они рабочие люди». МакКанн утверждал, что такие протестанты на их стороне, только еще сами этого не осознают.

* * *

Ирландия – маленький остров, менее двух сотен миль в его самых широких точках. За несколько часов на машине можно добраться с одного побережья на другое. Но с того момента, как протестующие покинули площадь Донегалл, им надоедали несогласные с их выступлением – протестантские «юнионисты», которые стремились выразить лояльность британской короне. Их лидером был тучный мужчина 44 лет с оттопыренными ушами. Его звали Рональд Бантинг. Он бывший учитель математики, а еще раньше – офицер британской армии, а потому сторонники называли его Майором. Когда-то он придерживался более прогрессивных взглядов, но потом попал под влияние яростного антикатолического министра Яна Пейсли, поскольку тот был добр к его умирающей матери. Бантинг являлся оранжистом, членом Организации протестантского братства, которая сознательно ставила себя в оппозицию по отношению к католическому населению. Вместе со своими сторонниками он толкал идущих вперед людей, смеялся над ними и пытался выхватить из их рук плакаты с лозунгами, размахивая при этом своим флагом – «Юнион Джеком». Какой-то журналист спросил Бантинга, не лучше ли оставить демонстрантов в покое, просто игнорировать их.

– Нельзя игнорировать дьявола, брат, – ответил Бантинг.

Вероятно, Бантинг был фанатиком, но многие люди разделяли его опасения. «Более всего протестанты в Северной Ирландии боятся того, что католики задавят их», – говорил в тот год Теренс О'Нейл, премьер-министр автономного британского правительства в Северной Ирландии. Что он имел в виду, не вполне ясно, ведь протестанты в конечном итоге *превосходили* католиков по численности, да и Лондон всегда бы пришел на помощь. Многие на английском «материке», казалось, имели смутное представление о непокорной провинции у берегов Шотландии; другие были бы рады отпустить Северную Ирландию. Как ни крути, Британия десятилетиями угнетала колонии. Как сказал тогда один английский журналист, юнионисты в Северной Ирландии были «обществом более британским, чем сами британцы в отношении того, до чего самой Британии вообще не было дела». «Лоялисты» – так называли особенно ревностных юнионистов – были склонны видеть в себе последних защитников национальной идентичности, находящейся под угрозой исчезновения. Как писал Редьярд Киплинг в стихотворении «Ольстер» в 1912 году:

*Все сказано давно,
И, сдавшись, мы погибнем.*

Но у Майора Бантинга имелись куда более личные причины бояться этого марша. Среди оборванных демонстрантов, распевających песни хиппи и несущих плакаты с требованием прав, шел и его собственный сын. Студент из Квинс, молодой человек с густыми бакенбардами, Ронни Бантинг втянулся в радикальную политику летом 1968 года. Он едва ли был единственным протестантом среди марширующих. Напротив, у протестантов существует давняя традиция, связанная с признанием независимости Ирландии. Один из героев ирландского республиканизма, Вольф Тон, возглавивший в 1798 году серьезное восстание против британского правления, исповедовал протестантство. Но Ронни явно был единственным участником марша, чей отец яростно занимался созданием контрпротеста и возглавлял собственную группу лоялистов, оскорбляющих католиков и выкрикивающих в мегафон обидные лозунги. «Отец сам себя дураком выставляет», – ворчал Ронни, которому было неудобно перед друзьями. Но такое публичное противостояние, казалось, только усиливало решимость и отца, и сына.

Как и сестры Прайс, Ронни Бантинг вступил в «Народную демократию». На одном из собраний он говорил, что лучше бы не идти маршем к Дерри, потому что велика вероятность того, что «добром это не кончится». Полиция жестоко подавила несколько прежних протестных акций. Северная Ирландия – не самое удачное место для свободного выражения взглядов. Из опасения мятежа католиков еще во времена разделения вышел Акт о чрезвычайных полномочиях, который устанавливал постоянное чрезвычайное положение в стране: правительство могло запрещать митинги и определенные типы речей; оно имело право разыскивать и арестовывать людей без ордера, а также бросать их в тюрьмы без суда и следствия. Королевские констебли Ольстера были почти исключительно протестантами, а кроме того, в состав этой организации входило нерегулярное подразделение, известное как спецподразделение В, состоящее из вооруженных юнионистов, часто резко настроенных против католиков. Один из его давних служащих так описывал набор в спецподразделение В: «Мне нужны мужчины, и чем они моложе и свирепее, тем лучше».

В то время как марш продвигался по загородной местности, его участники заходили в протестантские деревни, считавшиеся оплотом юнионистов. Всякий раз, когда это случалось, откуда-то появлялись местные мужчины, вооруженные палками. Они преграждали студентам путь, и отряд полицейских, сопровождавших марш, заставлял молодых людей идти в обход той или иной деревни. Кое-кто из приспешников майора Бантинга шел вместе с демонстрантами и насмехался над ними. Один из них нес ламбег – большой барабан, который ассоциируется с традициями юнионистов, – и его зловещий стук эхом разносился по зеленым холмам и небольшим деревушкам, собирая новых противников католического марша.

Студенты подготовились к жестокой драке; на самом деле некоторые из них даже были бы ей рады. Марши «Сельма – Монтгомери» в свое время спровоцировали полицию на применение суровых мер; возможно, нынешнее жестокое насилие при разгоне марша, показанное по телевидению, наряду с другими событиями, приведет к реальным переменам. У студентов было ощущение того, что мирное выступление не может привести к несправедливо жестокому возмездию: шел 1969 год, и казалось, что молодежь всего мира находится в авангарде борьбы за справедливость. Быть может, и в Северной Ирландии линия фронта будет разрушена, прекратятся конфликты католиков с протестантами, республиканцев с лоялистами, а борьба перейдет на другой уровень: это будет борьба между отжившим и новым – борьба сил будущего против сил прошлого.

На четвертый и последний день марша в десяти милях от окраины Дерри один из протестующих закричал в мегафон: «Похоже, сейчас полетят камни». Обстановка накалялась. С того момента, как процессия вышла из Белфаста и по мере ее продвижения вперед, к ней присоединилось множество молодых людей, и теперь дорогу заполнили сотни демонстрантов.

Мужчина с мегафоном снова крикнул: «Вы можете быть ранены! Готовы вы к такому повороту дел?»

Демонстранты хором ответили: «Да!»

* * *

Предыдущей ночью, когда участники марша спали на полу в здании администрации деревни Клоди, Майор Бантинг собрал своих сторонников в Дерри (или в Лондондерри, как называл этот город Бантинг). Сотни возбужденных лоялистов находились внутри ратуши на берегу реки Фойл – величественного здания из камня, украшенного витражами. У лоялистов шло «молитвенное собрание». Здесь же был и Ян Пейсли, готовый приветствовать своих сторонников.

Радикал, имеющий неистовых последователей, происходил из семьи баптистского проповедника. Пройдя обучение в евангелистском колледже в Уэльсе, он учредил свою собственную церковь, придерживающуюся крайне жесткой линии. Имея почти двухметровый рост, Пейсли представлял собой внушительного мужчину с косящими глазами и кривыми зубами, волосами, зачесанными назад, и дрожащей челюстью; он склонился над кафедрой и яростно обличает «римское чудовище» (католиков). Согласно его заявлению, Ватикан и Ирландская республика вступили в тайный сговор и готовят государственный переворот в Северной Ирландии. Католики продолжают наращивать свою численность и силу и скоро превратятся в «тигра, намеренного растерзать свою жертву».

Пейсли был типичным политиканом, Крысоловом-дудочником из сказки братьев Гримм. Этот искатель народной популярности водил своих последователей по католическим районам, провоцируя мятежи в любом месте, где ему только стоило появиться. Зловещим низким голосом – бас-профундо – он вещал о том, что католики – это отбросы, что они «плодятся, как кролики, и множатся, как паразиты». Он бросался в глаза, сеял распри, обострял разногласия. На самом деле он был до такой степени несимпатичен и излучал такую неприкрытую ненависть, что некоторые республиканцы полагали, что, если хорошо подумать, просчитав все плюсы и минусы, то можно прийти к выводу, что Ян приносит *пользу* их движению. «Зачем нам устраивать Пейсли? – спросила как-то Кресси, мать Долорс. – Он наш самый большой актив».

Несмотря на то что население Дерри в основном составляли католики, в изобретательном воображении лоялистов город был живым памятником протестантского сопротивления. В 1689 году протестантским силам, верным новому королю Вильгельму Оранскому, удалось удержать город во время его осады католической армией, выступавшей за Якова II. В какой-нибудь другой части мира такое потускневшее со временем событие могло бы удостоиться разве что информационной доски. Но в Дерри победу в небольшой стычке праздновали каждый год, с демонстрациями, проводимыми местными протестантскими организациями. И вот сейчас, по мнению Пейсли и Бантинга, протестующие студенты, которые запланировали марш в Дерри, должны встретить здесь следующим утром нечто похожее на то, что было во времена осады.

Эти защитники гражданских прав, возможно, лишь притворяются мирными демонстрантами, говорил Пейсли своим сторонникам, а на самом деле это просто замаскированные «солдаты ИРА». Он напомнил о роли Лондондерри как оплота, противостоящего папистским посягательствам. Готовы ли они снова встать на защиту города? Раздались крики: «Аллилуйя!» У Пейсли была привычка завести толпу и ретироваться прежде, чем полетит первый камень. А назначенный на пост его адъютанта Майор Бантинг говорил собравшимся, что каждый, кто «считает себя мужчиной», должен вооружиться и предпринять «такие защитные меры, которые кажутся ему подходящими».

И вот под прикрытием ночной темноты местные мужчины, собравшись в полях у дороги в Дерри, начали заготавливать камни – целый арсенал. Один из фермеров, поддерживающий борьбу с католиками, пригнал трактор для подвоза снарядов. И это были не мелкие камешки, а крупные булыжники из нового карьера; их сложили кучками на рассчитанном расстоянии в местах, подготовленных для засады.

* * *

«Мы с самого начала заявили, что наш марш не связан с насилием, – напомнил Имон МакКанн Долорс и другим протестующим в последнее утро мероприятия. – Сегодня наше благочестивое намерение подвергнется проверке». Демонстранты снова двинулись вперед; они шли медленно, с ощущением усиливающегося трепета. Идти приходилось по узкой деревенской дороге, окруженной высокими изгородами. Впереди, у моста Бернтоллет – старого каменного сооружения через реку Фоган, образовалось бутылочное горлышко. Долорс с Мариан и другими молодыми демонстрантами продолжали свое движение к мосту. Затем за мостом, на возвышенности, появился мужчина. На его руках были белые повязки, и он театрально размахивал ими, подавая замысловатые сигналы, как матадор, подзывающий невидимого быка. Вскоре к нему присоединились другие – крепкие молодые люди выходили на возвышение над дорогой и, собравшись в небольшие группы, смотрели сверху вниз на демонстрантов. Теперь на дороге скопилось несколько сотен человек, стиснутых изгородами – бежать некуда. А в полях появлялось все больше и больше людей с белыми повязками на руках. Уже полетели первые камни.

Бернадетту Девлину, другу Долорс, который был одним из организаторов марша, показалось, будто опустился «занавес» из снарядов. Вокруг словно из воздуха материализовались мужчины и парни, они выкрикивали оскорбления, бросали камни, кирпичи, молочные бутылки. Некоторые из атакующих расположились значительно выше дороги, другие же засели за изгородами, идущими вдоль нее. А были такие, кто наступал спереди, оттесняя демонстрантов от моста.

Люди, идущие в авангарде, рванулись к мосту, в то время как задние ряды повернули, чтобы обойти баррикаду. Но Долорс и Мариан оказались в середине.

Они перелезли через забор, однако камни продолжали лететь в них. В этот момент мужчины начали быстро спускаться вниз и атаковать демонстрантов. Долорс казалось, что она стала участником сцены из голливудского вестерна – будто индейцы наводняют прерии. Головы кое-кого из нападавших защищали мотоциклетные шлемы. Они спускались вниз, размахивая дубинками, ломami, свинцовыми трубками и палками. Некоторые мужчины вооружились деревянными досками, утыканными гвоздями; они бросались на демонстрантов, стараясь нанести как можно больше ран. Люди, натянув на голову куртки, чтобы хоть как-то защититься, ничего не видели, спотыкались, беспорядочно перемещались и в поисках защиты хватались друг за друга.

Тех, кто пытался бежать в поля, швыряли на землю и пинали до тех пор, пока они не теряли сознание. Кто-то схватил лопату и ударил по голове молоденькую девушку. Двух фотографов из газеты тоже избili и забросали камнями. Нападавшие выхватили у них пленку и сказали, что, если они не уберутся отсюда, то их убьют. А в центре событий был Майор Бантинг – гранд-маршал, машущий руками, как дирижер; рукава его пальто покрылись пятнами крови. Он выхватывал лозунги из рук демонстрантов, и кто-то поджигал их.

Протестующие не сопротивлялись. Они заранее условились о ненасильственном характере акции. Долорс Прайс окружали молодые люди с ранами на лицах и кровавыми подтеками вокруг глаз. Она шлепнулась в реку – ее окатило ледяной водой. На расстоянии было видно, как другие демонстранты тоже летят с моста в реку. Пытаясь сопротивляться течению, Долорс

не могла оторвать взгляд от одного из нападавших – мужчины с дубинкой; всю оставшуюся жизнь, возвращаясь к этому моменту, она будет помнить его глаза, горевшие ненавистью. Она просто смотрела в эти глаза и молчала.

Наконец офицер из Корпуса королевских констеблей Ольстера вошел в реку, чтобы прекратить драку. Долорс схватила его за куртку и не отпускала. Но даже и тогда, когда этот сильный коп помог ей выбраться на безопасное место, страшная бойня все еще продолжалась. В тот день здесь присутствовало несколько дюжин констеблей из Корпуса, но большая часть из них предпочитала не вмешиваться. Позже было высказано предположение о том, что нападавшие потому и надели белые повязки на руки, чтобы друзья из полиции не путали их с демонстрантами. На самом деле многие из людей Майора Бантинга – те самые, что и затеяли избиение, – были членами спецподразделения В.

После, по дороге в больницу Алтнагелвин, что в Дерри, Долорс плакала, охваченная странной смесью облегчения, отчаяния и разочарования. Когда в конце концов они с Мариан вернулись в Белфаст и появились, избитые, в синяках, в маленьком домике на Сливгаллион-драйв, Крисси Прайс выслушала рассказ об их страданиях. По окончании его она задала лишь один вопрос: «А почему вы не дали сдачи?»

Глава 3

Беспорядки в Ольстере. Изгнанники

Джин МакКонвилл почти не оставила следов. Она исчезла в смутное время, а ее дети, видевшие это, были столь малы, что ничего вразумительного рассказать не сумели. Уцелела, однако, одна фотография Джин – снимок, сделанный у дома в Восточном Белфасте, где в середине 1960-х жила ее семья. Джин стоит вместе с тремя своими детьми, а ее муж Артур присел на корточки на переднем плане. Она смотрит в камеру, руки сложены на груди, губы улыбаются, а глаза щурятся от солнца. Единственное, что врезалось в память детей, вспоминающих о маме, – это булавка – обычная голубая булавка, которую она носила на одежде, потому что кто-нибудь из детей то и дело терял пуговицу или иным способом нуждался в «срочном ремонте». Мамина булавка всегда спасала их.

В девичестве ее звали Джин Мюррей, родилась она в 1934 году в семье Томаса и Мэй Мюррей – протестантской пары, проживавшей в Восточном Белфасте. Белфаст представлял собой грязный, серый город с печными трубами и шпилями, окруженный невысокой зеленой горой с одной стороны и узкой бухтой, выполнявшей роль морских ворот, ведущих в Северный пролив – с другой. В городе было много ткацких и табачных фабрик, имелась гавань для стоянки и ремонта судов, рядами шли кирпичные дома рабочих, похожие один на другой. Мюррей жили на Эвонил-Роуд, недалеко от верфей «Харленд энд Вулф», откуда когда-то был спущен на воду «Титаник». Там и работал отец Джин. Когда она была маленькой, он каждое утро присоединялся к тысячам рабочих, которые тянулись к верфям мимо их дома, и каждый вечер возвращался обратно, вместе с потоком мужчин, бредущих в противоположном направлении. После того как началась Вторая мировая война, ткацкие фабрики Белфаста перешли на выпуск миллионов комплектов формы, а верфи приступили к постройке военных судов. Однажды ночью 1941 года, незадолго до того, как Джин исполнилось семь лет, взвыли сирены: бомбардировщики люфтваффе утюжили небо над прибрежной полосой и сбрасывали мины на парашютах и зажигательные бомбы; вскоре верфи были охвачены пламенем.

В те дни в Белфасте особо не беспокоились об образовании девочек из рабочего класса, а потому в 14 лет Джин бросила школу и начала искать работу. В конце концов ей удалось получить место служанки у вдовы-католички, которая жила рядом с Холивуд-роуд. Женщину звали Мэри МакКонвилл, и у нее имелся взрослый сын – единственный ребенок по имени Артур, который служил в Британской армии. Артур был на 12 лет старше Джин. Он значительно превосходил ее и ростом: в ней-то насчитывалось полтора метра вместе с туфлями. Среди родственников Артура было много военных, и он рассказывал Джин истории о том, как он обратил в бегство японцев во время войны в Бирме.

Когда молодые люди полюбили друг друга, их семьи не могли не придавать значения тому факту, что они находились по разные стороны религиозного раздела. Напряжение между различными религиозными ответвлениями в 1950-х годах было менее сильным, чем в прошлом или чем оно стало потом, но даже тогда «смешанные» браки были редкостью. И не только по причине «племенной» солидарности, но и потому, что протестанты и католики находились в разных мирах: жили в разных районах, посещали разные школы, выполняли разную работу, ходили в разные пабы. Войдя в семью матери Артура в качестве домашней прислуги, Джин перешла границу. Когда начался ее роман с Артуром, его мать негодовала. (Мать Джин, возможно, тоже в восторге не была, но приняла этот брак, хотя один из дядей Джин, член «Оранжевого ордена»⁴, устроил ей головомойку за этот грех.)

---

⁴ Оранжевый орден – ирландская протестантская политическая организация; его членов называют оранжистами.

В 1952 году молодые супруги бежали в Англию и жили там в армейских бараках, в той части, где служил Артур, однако впоследствии, в 1957 году, они вернулись в Белфаст и обосновались у матери Джин. Первый ребенок Джин – Анна – страдала от редкого генетического заболевания и большую часть своей жизни провела в больнице. Вслед за Анной родился Роберт, потом Артур (все звали его Арчи), далее Хелен, Агнес, Майкл (которого звали Микки), Томас (его звали Такером), Сьюзан и, наконец, близнецы – Билли и Джим. Джин, ее мать, муж, дети – в крошечном домике на Эвонил-Роуд теснились не меньше дюжины жильцов. Внизу располагалась маленькая гостиная, за ней – кухня с ванной, стоявшей снаружи, открытым огнем, на котором готовили, и раковины с холодной водой.

В 1964 году Артур вышел в отставку, получил пенсию и смог начать небольшой бизнес по ремонту зданий. Однако сохранить занятость было нелегко. Нашел было новое место в «Сирокко-инжиниринг», но затем потерял его, поскольку работодатели узнали, что он католик. В течение некоторого времени он трудился на канатном дворе. Впоследствии дети вспоминали этот период (когда была сделана фотография) как счастливый. Конечно, семья испытывала нужду, но в этом не было ничего необычного для ребятишек из рабочего класса в послевоенном Белфасте. Главное, что родители живы. И все казалось стабильным. Их жизнь воспринималась ими как нормальная.

Но в 1960-х годах начало постепенно усиливаться взаимное недоверие между протестантами и католиками. Проводя свои триумфальные летние марши, члены местного «Оранжевого ордена» отстаивали права у дверей дома МакКонвиллов. В течение нескольких лет Ян Пейсли убеждал своих протестантских собратьев искать и изгонять католиков, живущих среди них. «Эй вы, люди с Шанкилл-роуд, что с вами? – восклицал он. – Дом номер 425 по Шанкилл-роуд – вы разве не знаете, кто там живет? Люди Папы, вот кто!» Началась этническая чистка: Пейсли перечислял адреса – Аден-стрит, дом 56; Краймиа-стрит, дом 38; владельцы местного кафе-мороженого. Они были «папистами», агентами Рима, их следовало выгнать. В доме по Эвонил-Роуд не было телевизора, но, когда началось движение за гражданские права и Северная Ирландия оказалась вовлеченной в мятежи, Джин и Артур ходили к соседям и смотрели вечерние новости с возрастающим чувством беспокойства.

* * *

В 1969 году, когда начался настоящий ад, Майклу МакКонвиллу исполнилось восемь лет. Каждое лето в Дерри лоялистский орден, известный как «Подмастерья»⁵, проводил марш в память о молодых протестантах, которые были убиты у решетки городских ворот католическими войсками короля Якова II в 1688 году. По традиции участники процессии в конце ее стояли на городской стене и бросали мелкие монеты на тротуары и дома в Богсайте – католическом гетто, расположенном внизу. Однако в этом году провокация вышла за привычные рамки, дошла до жестоких стычек, охвативших Дерри, и переросла в событие, получившее название «беспорядков в Богсайте».

Как только вести о заварушке в Дерри достигли Белфаста, мятежные настроения начали распространяться со скоростью воздушно-капельной инфекции. Банды протестантской молодежи врывались в католические районы, били окна и поджигали дома. Католики давали отпор, бросая в ответ камни и угощая противника коктейлями Молотова. Корпус королевских констеблей и спецподразделение В реагировали на эти волнения, но католики нанесли удар по авторитету этой организации, заявив, что полицейские просто стоят и бездействуют, в то время как лоялисты совершают преступления. Вокруг католических районов росли баррикады, люди

---

⁵ «Подмастерья» – организация ремесленников-протестантов, активно защищающая город Дерри от католиков.

захватывали школьные автобусы и хлебные фургоны, чтобы заблокировать ими улицы и возвести оборонительные сооружения. Молодые католики разбирали камни мостовых, складывали их в кучи и затем бросали в полицейских. Встревоженный таким оборотом событий Корпус констеблей ввел в действие небольшие бронемшины, которые называли пигз⁶; они двигались по узким улочкам, и их пулеметные башни вращались во всех направлениях. На них обрушился град камней. Бутылки с зажигательной смесью ударялись о сталь, и голубое пламя выливалось из них, как содержимое из разбитого яйца.

Это было время романтического анархизма: бульдозер, который кто-то оставил на стройке, был оккупирован мальчишками: они сидели в огромной машине и весело ехали по улице Западного Белфаста, ободряемые криками и приветственными возгласами соотечественников. Затем мальчишки потеряли контроль над своим неуклюжим конем и врезались в телеграфный столб; кто-то тут же метнул в бульдозер бутылку с зажигательной смесью, и она взорвалась ярким пламенем.

Банды лоялистов начали упорно продвигаться по Бомбей-стрит, Вотервилл-стрит, Кашмир-роуд и другим католическим районам: они били окна в зданиях и бросали бутылки с бензином внутрь. Сотни домов были разграблены и разрушены, а их жители выброшены на улицы. По мере разрастания мятежа простые семьи во всем Белфасте забивали окна и двери, как будто на город надвигался ураган. Они вытаскивали старую мебель из гостиной, так чтобы ничто не загорелось, на случай если какие-либо горючие вещества влетят в дом через разбитое окно. Они собирались на кухне, выходящей на задний двор, бабушки и дедушки прикрывали клумбы с розами, и все ждали, пока закончится хаос.

Тем летом примерно две тысячи семей бросили свои дома в Белфасте и бежали; подавляющее большинство из них были католиками. В городе жило около 350 000 человек. В последующие годы население сократилось на целых 10 процентов. Иногда банда в сотню человек, напав на дом, заставляла его жителей покинуть его. В других случаях в почтовый ящик бросали записку, в которой говорилось, что владельцам строения дается только один час на эвакуацию. Люди набивались в машины, которые везли их через весь город в безопасное место: никого не удивляло, что семья из восьми человек втиснулась в седан. В конечном итоге тысячи католиков сгрудились в очередь у железнодорожного вокзала – беженцы ожидали прохода на поезд, движущийся в южном направлении, к Республике.

Очень скоро банда пришла и к МакКонвиллам. Группа местных мужчин нашла Артура и велела ему уходить. Под покровом ночи он выскользнул из дома и направился к матери, надеясь найти там убежище. Сначала Джин и дети оставались на месте, полагая, что напряжение вот-вот спадет. Однако и им в конце концов пришлось бежать, взяв с собой лишь те вещи, которые поместились в такси.

Город, через который они ехали, очень изменился. Тут и там сновали грузовики, груженные мебелью, которую люди сумели забрать при переезде. По улицам брели мужчины, сгибавшиеся под тяжестью старых диванов и кресел. На перекрестках горели машины. Тлели школьные здания, подожженные попавшими в них снарядами. К небу поднимались огромные клубы дыма. Ни один светофор не работал, а потому на пересечении улиц стояли молодые люди в гражданском и регулировали движение. 60 автобусов, находящихся у католиков, были расставлены по улицам так, чтобы сформировать баррикады; все новые и новые линии фронта указывали на разгоревшийся этнический конфликт. Повсюду куски резины и битое стекло; один из поэтов впоследствии назвал это «белфастским конфетти».

А среди этого побоища – упрямые жители Белфаста, которые просто приспособились к беспорядкам и продолжали жить. В промежутках между стрельбой передняя дверь тихонько приоткрывалась, и белфастская домохозяйка в очках в роговой оправе просовывала голову в

---

⁶ Pigs (англ.) – свиньи.

щель, чтобы проверить, все ли «чисто». Затем она появлялась снова, уже набросив дождевик и прикрыв кудри косынкой, и шла прямо через зону военных действий к магазинам.

Водитель такси был так напуган происходящим, что отказался вести Джин и ее детей дальше, чем до Фоллз-роуд, а потому им пришлось оставшуюся часть пути тащить свои вещи на себе. Они пришли к Артуру, находившемуся в доме матери, но у Мэри МакКонвилл была лишь одна спальня. Женщина наполовину ослепла, а поскольку ей никогда не нравилась бывшая домработница, вышедшая замуж за ее сына, они с Джин не ладили. Кроме того, на этой территории постоянно велись перестрелки, поэтому Джин и Артура предупредили, что дровяной склад за домом могут поджечь, и тогда огонь перекинется на здание. Итак, семья снова отправилась в путь, теперь уже в католическую школу, которую превратили во временное убежище. Они спали в классе на полу.

Жилищное управление Белфаста строило капитальные дома для размещения тысяч людей, вдруг оказавшихся беженцами в своем собственном городе, и МакКонвиллам в конечном итоге предложили только что построенный сельский домик – шале. Но когда они прибыли туда, то обнаружили, что его захватила семейка бродяг-скваттеров⁷. Многие люди, сорванные со своих мест, стремились заселиться куда угодно. Католики въезжали в дома, брошенные протестантами, а те занимали помещения, откуда выехали католики. Во втором шале МакКонвиллы столкнулись с той же проблемой: здесь жила другая семья, которая отказалась покинуть дом. На Дайвис-стрит строилось много новых домов, и на этот раз Артур МакКонвилл сумел настоять на своем и остался с рабочими до того, пока не закончится стройка, так чтобы никто не мог первым занять его дом.

Жилище было совсем простым: четыре комнаты и туалет во дворе. Но они впервые получили дом, который могли на законном основании назвать своим собственным. Радостная Джин побежала в магазин и купила ткань на занавески. Семья жила в этом шале до февраля 1970 года, пока им не предложили постоянную квартиру в новом комплексе под названием «Дайвис Флэтс»; его строили несколько лет, и сейчас он маячил на горизонте, накрывая окрестности своей тенью.

* * *

«Дайвис Флэтс» задумывался как сооружение будущего. Его строительство шло в 1966–1972 годах и являлось частью программы по «сносу трущоб», согласно которой ветхий район с невероятной скученностью населения в мало приспособленных для жизни строениях XIX столетия (так называемый Паунд Лоуни) должен быть полностью снесен, а на его месте построено жилье, состоящее из двенадцати связанных между собой многоквартирных домов по 850 квартир в каждом. С претензией на стиль Ле Корбюзье, жилые помещения должны были располагаться в футуристических зданиях-лotosах, (city in the sky), что смягчало бы недостаток площади в них и при этом давало уровень комфорта, который казался бы роскошью для простых семей Белфаста, таких, как МакКонвиллы. У жителей «Дайвис Флэтс» в каждой квартире были душ и туалет, а также раковина и кран с горячей водой. На каждом этаже такого многоквартирного дома имела широкая терраса, на которую был выход из квартир. Отсюда открывался вид на маленькие улочки за блочными домами – Паунд Лоуни – зону отдыха, где могли играть дети. Все двери были покрашены в цвета леденцов: красные, синие и желтые – впечатляющий поп-арт по сравнению с серыми тенями многих районов Белфаста.

МакКонвиллы переехали в мезонет с четырьмя спальнями в блок под названием «Фарсет Вок». Но все то радостное волнение, которое они, вероятно, ощутили при виде нового жилья, вскоре испарилось, поскольку комплекс был построен с весьма малыми представлениями о

---

⁷ То есть тех, кто незаконно вселился в дом.

том, как там будут в действительности жить люди. В «Дайвис Флэтс» не предполагалось ни объектов социально-бытового назначения, ни зеленых насаждений, ни благоустройства территории. Не было и детских площадок, за исключением двух открытых всем ветрам футбольных полей и огражденного куса асфальта с парой качелей – а ведь в комплексе проживали более тысячи ребятишек.

Когда Майкл МакКонвилл переехал в новый дом, «Дайвис» показался ему похожим на лабиринт для крыс – со всеми его коридорами, лестничными пролетами и пандусами. Внутренние стены сделаны из дешевых гипсокартонных панелей, так что днем вы прекрасно слышите, о чем говорят ваши соседи. А на внешних стенах, построенных из плотного бетона, образуется конденсат, и отвратительная черная плесень ползет вверх, пробираясь на потолки квартир. Будучи задуманным как архитектурная утопия, «Дайвис» оказался в итоге антиутопией и стал сооружением, которое кто-то назвал «небесными трущобами».

Тем же самым летом, когда МакКонвиллов выгнали из их дома в Восточном Белфасте, в Северную Ирландию была отправлена британская армия, чтобы принять меры против заварушки в Богсаиде и мятежей. Тысячи молодых солдат в зеленых мундирах прибыли на кораблях и наводнили Белфаст и Дерри. Сначала католики тепло приветствовали их. Католическое население было так недовольно действиями Корпуса королевских констеблей и спецподразделения В, что, когда появилась армия (которая по сравнению с этими структурами хотя бы была нейтральной), люди посчитали, что она даст большую безопасность. В Западном Белфасте матери-католики подходили к армейским постам и предлагали солдатам чай.

Отец Майкла был осторожнее в своих суждениях. Сам бывший военный, Артур МакКонвилл не любил, когда солдаты ходят повсюду, разговаривают с ним в дружеском тоне, как будто им не отведено определенное место в командной цепочке. В одной из частей комплекса «Дайвис» высилась двадцатитажная башня – самое высокое здание Белфаста, если не считать церкви. Первые 18 этажей занимали квартиры, а верхние два британская армия использовала в качестве наблюдательного поста. Следя за очагами напряжения внизу, армейские наблюдатели могли контролировать с помощью биноклей весь город.

Едва успев прибыть, войска начали терять доброе расположение сообщества. Молодые солдаты не понимали сложной этнической географии Белфаста. Вскоре их стали считать не нейтральными судьями конфликта, а скорее оккупационными силами – хорошо вооруженными союзниками спецподразделения В и Корпуса констеблей.

Католики начали вооружаться и стрелять в своих противников-лоялистов, в полицию и, в конце концов, в саму армию. Начались сражения с применением оружия, и некоторые снайперы-католики устраивались на крышах по ночам, лежа среди печных труб и высматривая цели внизу. Возмущенные такой агрессией армия и полиция тоже стреляли в ответ, причем из более мощного оружия; и окрестности оглашало эхо выстрелов из карабинов М1 и громкого треска пистолетов-пулеметов «Стерлинг». Желая усложнить задачу снайперам, люди из спецподразделения В палили из револьверов по уличным фонарям, погружая город в темноту. Британские войска патрулировали пустые улицы на своих полутонных «Ленд Роверах» с выключенными фарами, чтобы не стать мишенью. И во всем этом хаосе поначалу погибло не так много людей: в 1969 году во время Смуты погибли 19 человек, а в 1970-м – 29. Но в 1971-м, когда волна насилия резко пошла вверх, погибли уже почти 200 человек. К 1972 году эта цифра составила пять сотен.

«Дайвис Флэтс» населяли почти исключительно католики, и комплекс стал оплотом вооруженного сопротивления. Переехав сюда, МакКонвиллы сделались частью системы, которую местные жители называли «цепочкой». Когда полиция или солдаты в поисках оружия подходили к входной двери какой-то определенной квартиры, кто-нибудь высовывался из заднего окна этого помещения и передавал винтовку соседу, который в свою очередь передавал ее таким же образом в следующую квартиру. Затем какая-нибудь женщина переносила оружие

соседу на другой стороне, который отправлял его дальше, пока оно не оказывалось в самой дальней части здания.

И именно в «Дайвис Флэтс» в период Смуты произошла гибель первого ребенка. Это случилось до того, как туда въехали МакКонвиллы. Одной августовской ночью 1969 года снайпер, засевший где-то рядом с комплексом, ранил двух полицейских. Поддавшись панике и не умея применять оружие в таких ситуациях, полицейские начали беспорядочно палить в «Дайвис» из бронемшины. Затем, в момент затишья стрельбы, они услышали, как из здания раздался голос: «Попали в ребенка!»

Когда полиция начала стрелять, девятилетний Патрик Руни вместе с родителями спрятались в задней комнате их квартиры, однако пули пробили гипсокартонные стены и попали мальчику в голову. Поскольку взаимная стрельба продолжалась, полиция отказалась разрешить машине «Скорой помощи» пересечь Фоллз-роуд. Затем из дома выбежал мужчина, лихорадочно размахивая белым шарфом. За ним появились еще двое, они несли ребенка с разбитой головой. Им удалось донести Патрика Руни до машины «Скорой», но он вскоре умер.

Майкл МакКонвилл понял, что «Дайвис» – опасное место. Патрик Руни был почти его возраста. Ночью, когда начиналась стрельба, Артур умолял: «Ложитесь на пол!» Дети стащили свои матрасы в центр квартиры и спали там, сгрудившись в комнате, находящейся посередине. Иногда казалось, что они чаще спят на полу, чем в своих кроватях. Майкл часто не спал и смотрел в потолок, слыша, как пули рикошетом отлетают от бетона. Это была безумная жизнь. Но анархия продолжалась месяцами, и он стал воспринимать ее как единственный известный ему способ существования.

* * *

Однажды июльским вечером 1970 года группа британских солдат появилась на густозаселенных улочках вокруг Бэлкен-стрит, что рядом с Фоллз-роуд, в поисках спрятанного склада оружия. Обыскивая один из домов, они нашли 15 пистолетов и одну винтовку, а также пистолет-пулемет «Шмайсер». Но когда они возвращались к бронемашинам и уже готовились покинуть этот район, на них напала толпа местных жителей, полетели камни. В панике водитель одной из *пигз* сдал назад, в толпу, задавив человека, что еще больше разозлило местных. Поскольку конфликт нарастал, на помощь первому отряду солдат отправили второй. Военные начали распылять в толпе слезоточивый газ.

Вскоре на Ловер Фоллз было сконцентрировано три тысячи солдат. Они рубили двери, врываясь в узкие домики. По официальной версии, они искали оружие, но делали это с такой непропорциональной ситуации разрушительной силой, что все походило на акт возмездия. Они крушили диваны и переворачивали кровати. Они отрывали линолеум от пола, били цветочные горшки и срывали газовые и водяные трубы. С наступлением ночи над Фоллз-роуд начал кружить военный вертолет, и из громкоговорителя доносился голос с явным итонским акцентом, сообщающий о введении комендантского часа: люди должны оставаться в своих домах, в противном случае они будут арестованы. Штыками винтовок солдаты разматывали огромные катушки проволоки и натягивали ее, огораживая таким образом Ловер Фоллз. Военные в бронжилетах и со щитами патрулировали город, лица их были измазаны углем. Жители маленьких домиков смотрели на них из окон с нескрываемым презрением.

Возможно, дело было в газе, а может, в чем-то другом, но Западный Белфаст объединился в опасную оппозицию. Газовый патрон пролетал через тротуар, оставляя за собой дымный след и заставляя людей, бросающих камни, рассыпаться по сторонам. Только за одну неделю в этом районе военные распылили 1600 канистр газа, и он разносился по узким улочкам и просачивался в щели продуваемых насквозь старых домов. Он щипал людям глаза, скреб в горле и провоцировал панику. Молодые парни протирали лица тряпками, смоченными в уксусе, и снова

отправлялись бросать камни. Один журналист, писавший об осаде, говорил, что газ стал чем-то вроде клея, веществом, которое «скрепляло толпу в общей симпатии людей друг к другу и их ненависти к тем, кто пускал в них газ».

* * *

У Майкла МакКонвилла было весьма беспокойное детство. Он рос со здоровым скептицизмом по отношению к властям. На его взгляд, Британская армия ничем не отличалась от полиции. Он смотрел, как солдаты бросали людей о стены, пинали их ногами, обутыми в форменные сапоги с распластанным орлом. Он видел, как военные вытаскивали отцов и братьев из домов и уводили прочь, арестовывая их без какого-либо суда. Артур МакКонвилл был безработным. Но едва ли кого-то в «Дайвис Флэтс» могло это удивить: половина жителей кормила свои семьи исключительно на пособие.

Когда дети выходили из квартиры, Джин всегда велела им не уходить далеко. «Никуда не ходите! – говорила она им. – Держитесь поближе к дому». Формально войны вроде бы не было (власти упорно называли происходящее «гражданскими беспорядками»), но в действительности это был самый настоящий военный конфликт. Майкл бродил со своими друзьями, братьями и сестрами по чужой, непредсказуемой местности. Но даже в самые ужасные годы Смуты некоторые дети, казалось, не испытывали страха. Когда прекращалась стрельба и замолкали винтовки, ребятишки высыпали на улицу и заползали в остовы сгоревших грузовиков, прыгали на ржавых сетках кроватей или прятались в брошенных ваннах, которые лежали среди груд булыжников.

Майкл большую часть времени проводил в раздумьях о голубях. В XIX веке голубь считался в Ирландии «скаковой лошадью бедняка». Отец Майкла и его старшие братья привили ему интерес к голубям. Сколько он себя помнил, его семья всегда держала птиц. И Майкл отправлялся в зону боевых действий, чтобы поискать сидящих где-нибудь голубей. Когда ему удавалось их обнаружить, он снимал куртку, устраивал для них что-то вроде гнезда и нес теплых испуганных птиц обратно в свою спальню.

Во время таких походов Майклу порой приходилось идти через брошенные дома. Он и понятия не имел о том, какие опасности могут поджидать его внутри: бродяги, военизированные группы или бомбы – что угодно. Но он не боялся. Однажды он наткнулся на старый завод, у которого взрывом начисто снесло весь фасад. Майкл и его друг заглянули внутрь, чтобы проверить, нет ли там гнездящихся голубей. Когда они дошли до верхнего этажа, то вдруг оказались прямо перед отрядом британских солдат, ставших здесь лагерем. «Руки вверх, стреляю!» – закричали солдаты, они держали Майкла и его друга на прицеле, пока те не спустились вниз, в безопасное место.

Примерно через год после всех этих событий в округе Фоллз Белфаста отец Майкла начал сильно терять в весе. В конечном итоге он очень ослаб и так дрожал, что не мог даже удержать чашку чая в руках. Обратившись наконец к доктору и сделав анализы, он узнал, что у него рак легких. Гостиная стала его спальней, и Майкл слышал, как по ночам он стонет от боли. Он умер 4 января 1972 года. Когда Майкл смотрел, как гроб с телом его отца опускают в мерзлую землю, он и представить себе не мог, что может случиться что-то худшее.

Глава 4

Раскол в ИРА. Подпольная армия. «Это было потрясающее время»

Однажды в 1971 году Долорс Прайс шла пешком по Белфасту вместе со своей матерью Крисси. Завернув за угол, они увидели контрольно-пропускной пункт Британской армии. Всех пешеходов допрашивали и обыскивали. Крисси замедлила шаг и пробормотала:

– У тебя что-нибудь есть?

– Нет, – ответила Долорс.

– *Есть у тебя что-нибудь?* – снова спросила Крисси уже более настойчиво.

Долорс видела, как в отдалении молодых людей швыряли о бронемашину и солдаты призывали им снять куртки.

– Дай сюда, – сказала Крисси.

Долорс достала имеющийся у нее пистолет и украдкой передала его матери, которая спрятала оружие под пальто. Когда они дошли до КПП, Долорс заставили снять куртку, а поскольку Крисси была старше, то взмахом руки ей разрешили пройти. Вернувшись домой на Сливгаллион-драйв, Крисси тщательно почистила пистолет и смазала все металлические части. Затем она завернула его в старые носки и зарыла в саду. Впоследствии, выкапывая оружие, начальник снабжения из ИРА остановился и спросил Долорс, лишь отчасти в шутку:

– А твоя мама не хотела бы к нам присоединиться? Она потрясающий спец по хранению оружия.

* * *

Фоллз-роуд и Шанкилл-роуд шли почти параллельно друг другу, так как обе улицы вели в центр Белфаста, иногда сближаясь, но никогда не сходясь. Фоллз-роуд считалась оплотом католиков, в то время как Шанкилл – протестантов; эти две артерии соединялись множеством узких улочек, которые шли между ними под прямым углом, и характерными рядами стандартных домиков ленточной застройки. В определенных местах этих улочек заканчивалась католическая территория и начиналась протестантская.

Во время волнений 1969 года микрорайоны окружали баррикадами, по которым можно было проследить религиозную географию. Затем их сменили так называемые стены мира – высокие барьеры, отделяющие одно сообщество от другого. Военизированные группы стремились соблюдать границы анклавов, а приграничные линии были укомплектованы караулами из подростков. Когда вспыхнуло восстание, ИРА уже практически не функционировала. Армия участвовала в провалившейся пограничной кампании в 1950-х годах и начале 1960-х, но ее усилия почти не нашли поддержки у сообщества. В конце 1960-х некоторые члены руководства ИРА в Дублине начали задавать вопросы о пользе оружия для ирландской политики и более открыто становиться на сторону марксистской философии, которая склонялась к мирному сопротивлению. Организация уменьшилась до такой степени, что, когда летом 1969 года начались мятежи, ИРА насчитывала в Белфасте всего сотню членов. Многие из них, как Альберт Прайс, отец Долорс, являлись опытными ветеранами прежних кампаний, но теперь были уже немолоды.

С военной точки зрения они также были и совершенно безоружными. Приняв явно несвоевременное решение, ИРА в 1968 году действительно продала по сниженным ценам все свое оставшееся оружие Армии свободного Уэльса. Пока еще говорили о некоторых навыках в

производстве кустарных взрывчатых веществ, но ИРА приобрела репутацию организации, чьи подрывники имели тенденцию чаще взрывать себя, чем запланированные цели.

По традиции католическое меньшинство в Северной Ирландии обращалось к ИРА за защитой в периоды религиозных раздоров. Однако, когда в 1969 году началась Смута, организация мало что могла сделать, чтобы помешать лоялистам выкуривать католические семьи из их домов. После «зачисток» некоторые люди предлагали расшифровывать название ИРА как «Я сбежал»⁸.

В Белфасте имелаась группировка, которая хотела взять более агрессивный курс – вновь разжечь в ИРА настроения на проведение насильственных действий. В сентябре 1969 года командующий ИРА по имени Лиам МакМиллен провел совещание руководителей в помещении на Сайпрес-стрит. МакМиллена повсеместно обвиняли в том, что организация не сумела защитить сообщество во время беспорядков. Во время совещания в зал ворвались вооруженные люди (21 человек) под предводительством Билли МакКи, легендарного уличного бойца ИРА. Родившись в 1921 году, через несколько месяцев после разделения Ирландии, МакКи в возрасте всего лишь 15 лет вступил в молодежное отделение ИРА. И с тех пор постоянно оказывался за решеткой. Он был ревностным католиком, который каждый день посещал мессу и никогда не расставался с пистолетом, имел бледно-голубые глаза и отличался склонностью к фанатизму. «Ты дублинский коммунист, и мы переизбираем тебя, – крикнул он МакМиллену. – Ты больше нами не руководишь!»

Один из старых друзей Альберта Прайса, писатель Брендан Биэн⁹, не раз отмечал, что на любом собрании республиканцев первым вопросом в повестке дня всегда является раскол. Долорс раскол в ИРА казался неизбежным. Распад организации на два крыла произошел в самом начале 1970 года. Крыло, известное как Временная Ирландская республиканская армия, недвусмысленно стремилось к вооруженному сопротивлению. Старая ИРА получила название Официальная Ирландская республиканская армия. В народе за этими разными крыльями закрепились названия «Провос» и «Стикис»¹⁰ (официалы прикрепляли на рубашку памятные пасхальные лилии с помощью липучки – sticky, а «бунтовщики» – provos – обходились обычной булавкой). В 1971 году милитаризованные группировки убили 44 британских солдата. Но, несмотря на то что эти два крыла ИРА усилили борьбу с лоялистскими отрядами, Корпусом констеблей и Британской армией, они начали кровавую войну и друг с другом.

* * *

Пригород Андерсонстаун, где выросла Долорс Прайс, располагался над Фоллз-роуд, у подножья плосковершинной Черной горы, которая, если смотреть издали, будто нависала над городом. Когда в 1969 году ситуация резко ухудшилась, нормальная жизнь замерла. Детям стало небезопасно посещать школу, а потому многие просто перестали это делать. Две тетки Долорс переехали в этот район, так как их собственные дома, находившиеся в других местах, были сожжены. В поисках подозреваемых в связях с ИРА или оружия военные часто устраивали рейды в Андерсонстауне. Один местный дом одновременно служил и школой подрывников: тайной фабрикой взрывчатых веществ, где рекруты из Временной ИРА обучались тому, как собирать устройства и как обращаться с зажигательными веществами. Власти ненавидели

---

⁸ I Run Away (англ.) – Я сбежал.

⁹ Брендан Биэн (1923–1964) – ирландский писатель и журналист, писал на ирландском и английском языках; происходил из семьи ярых ирландских республиканцев: отец был членом ИРА, а мать – известной активисткой республиканского движения, дядя Педар Керни написал музыку к ирландскому национальному гимну. Биэн – автор песен, прозы и песен.

¹⁰ Provo (англ.) – бунтовщик, зачинщик беспорядков; sticky (англ.) – липучка; возможно, сюда вкладывался также смысл «приверженец прежних ценностей».

местных жителей, а присутствие вооруженных и добровольных представителей британской короны только еще более усиливало впечатление того, что Белфаст оккупирован.

Динамика развития военного осадного положения привела к тому, что весь район сплотился, а затем объединился в оппозицию. «Местные жители вдруг изменились, – позже вспоминала Долорс. – Они сделались республиканцами». Как только представители властей появлялись здесь, домохозяйки и даже дети выбегали из домов, срывали металлические крышки с мусорных баков, вставали на колени прямо на тротуар и лупили этими крышками, как тарелками, по камням мостовой, издавая при этом грохочущие и скрежещущие звуки, которые разносились по всем окрестным улочкам и сообщали повстанцам, что начался рейд. Бойкие ребята школьного возраста отирались на углах улиц и пронзительно свистели при первом же тревожном знаке.

Такая солидарность укрепляла дух. По мере нарастания насилия обычным делом стали грандиозные похороны, когда на краю могилы произносились речи, а гробы оборачивали трехцветными флагами. Люди стали шутить, что в Белфасте вся общественная жизнь представлена поминками. Эти церемонии с пышным величием смерти и национализма завораживали Долорс Прайс. После марша и событий на мосту Бернтоллет она продолжила учебу. В течение нескольких лет она мечтала о художественной школе, но, подав туда заявление, горько разочаровалась, так как ее не приняли. Тогда она поступила в Педагогический колледж Св. Марии, который находился в начале Фоллз-роуд, намереваясь получить диплом бакалавра.

В эти годы Альберт Прайс редко принимал участие в семейной жизни, потому что был вовлечен в новый виток политической борьбы. Если ИРА нуждалась в оружии, Альберт начал его поиски. Вечерами Долорс часто приходилось видеть группы мужчин, собиравшихся в их гостиной; они о чем-то шептались с отцом. Однажды Альберт подался в бега и тайно перешел границу Республики. Долорс начала учиться в Св. Марии в 1970 году. Она от природы была сообразительной и любопытной, а кроме того, хотела получить диплом. Но после резни на мосту Бернтоллет в ней будто что-то перевернулось. Как впоследствии говорил отец, этот случай изменил и Долорс, и Мариан. Вернувшись в Белфаст, «они так никогда и не стали прежними».

Однажды – это было в 1971 году – Долорс пришла к местному командующему ИРА и заявила: «Хочу вступить в организацию». Официальная церемония состоялась в гостиной дома Прайсов на Сливгаллион-драйв. Кто-то буднично сказал ей: «Эй, заходи сюда через минуту». Она вошла, подняла правую руку и произнесла торжественную клятву верности: «Я, Долорс Прайс, обещаю, что буду служить ИРА, используя все свои знания и способности». Она поклялась подчиняться всем приказам «старших офицеров». Пока Долорс принимала участие в этом серьезном обряде, ее мать сидела в соседней комнате, заваривала чай и вела себя так, будто понятия не имеет, что происходит.

В ту минуту, когда ее взгляд встретился с глазами лоялиста, который бил ее на мосту Бернтоллет, Долорс поняла, что ее фантазии о мирном сопротивлении наивны. «Я никогда не переделаю этих людей», – сказала себе она. Никакие марши не принесут Ирландии необходимых изменений. В юности она начала поиски истины, отойдя от краеугольных убеждений своей семьи, но, вступив в ИРА, совершила своего рода возвращение домой.

Мариан тоже присоединилась к Провос. В тот день сестры еще ходили в школу. Но ночью они исчезли из дома и долго там не появлялись. Родители в Западном Белфасте обычно не задавали вопросов в таких ситуациях. Временами молодые люди исчезали, например, на неделю, и, когда они возвращались, никто не спрашивал их о том, где они находились. И тому была своя причина. Поскольку ИРА являлась запрещенной организацией и даже вступление в ее ряды было основанием для ареста, группа фанатически соблюдала секретность. Молодежь, присоединяясь к ИРА, обычно не сообщала об этом своим родителям. В некоторых ситуациях родители могли и не одобрить этого: Белфаст уже сделался достаточно опасным, и вступление

в милитаризированные формирования было просто искушением судьбы. Когда юные бойцы ИРА отправлялись на задание, они порой просто сталкивались за углом с собственной матерью. А мать, не обращая внимания на то, что сын вооружен, брала его за ухо и тащила домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.